

УДК 82

«БЛОКОВСКАЯ» МИСТИФИКАЦИЯ БОРИСА САДОВСКОГО

© 2014 г.

Ю.А. Изумрудов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

fond@fil.unn.runnet.ru

Поступила в редакцию 04.02.2014

Впервые в отечественной науке анализируется литературная мистификация Б.А. Садовского «Солдатская сказка» как полемический отклик на поэму А.А. Блока «Двенадцать».

Ключевые слова: фольклор, мистификация, Наполеон, Россия, Христос, Антихрист, революция.

В 1926 году в сменовеховском журнале «Новая Россия», редактируемом Исаем Лежневым, за подписью А.А. Блока была напечатана прозаическая «Солдатская сказка». В кратком предисловии к ней сообщалось, что это новое, совершенно неизвестное пока еще читателям произведение выдающегося поэта Серебряного века. Автором предисловия был Б.А. Садовской, хорошо известный в дореволюционное время поэт, прозаик, литературный критик, в 20-е же годы практически не печатавшийся, как «не созвучный» эпохе. Почему вдруг редакция предоставила именно ему право предварять «Солдатскую сказку» и какое вообще он имеет к ней отношение? Ответом на этот вопрос, собственно, и стало предисловие. Цитируем: «В январе 1915 г. А.А. Блок предложил мне шутовские пари. Он обещался в три дня написать модный в те дни «военный рассказ», а я должен был его пристроить под видом «пробы начинающего автора». Если рассказ напечатают, Блок ставит мне бутылку шампанского, в противном случае угощаю я. Гонорар назначался в пользу раненых. При этом А.А. взял с меня слово о полнейшем соблюдении его инкогнито. Ровно через три дня я получил по почте переписанную на машинке «Солдатскую сказку» и снес ее сначала А.А. Измайлову в «Биржевые ведомости». Измайлов сказку не принял, так как «французы – наши союзники» (в сказке взят 1812 год и лубочный Наполеон); в «Ниву» ее не взяли по причине «чрезмерной оригинальности» (буквально так и выразился Светлов); редакцию «Вершин» смутило, что «автор никому не известен». Наконец, я отправился в «Лукоморье», с отчаяния пустившись на хитрость: так как рассказ, по уговору, составлял мою собственность, я, скрепя сердце, повывтравил из него «чрезмерную оригинальность», надеясь таким образом разыграть пари вничью. Но и это не помогло. Сказку не напечатали, и мне при-

шлось, уезжая на пасху в Нижний, выставить Блоку бутылку невероятно вздорожавшего к тому времени шампанского» [1, с. 89].

Расчет был явно на то, что почитатели Блока будут заинтригованы: неизвестное произведение! Да к тому же дающее возможность в чем-то и по-новому посмотреть на творчество первого классика советской поэзии. И он оправдался. Уже редактор «Новой России» И. Лежнев по получении от Садовского предложенных им для публикации материалов из своего архива так писал ему: «Более всего меня заинтересовала «Солдатская сказка» Блока. Удивило, как и почему она до сих пор не напечатана. Говорили мы по этому поводу с Бор<исом> Ник<олаевичем> (Андреем Белым. – Ю.И.). В 1915 г. Белый был за границей и вещи этой не знает. Просьба прислать ее в первую очередь, – крайне желательно в оригинале»; «Мы <...> пришли к единодушному мнению, что «Сказку» надо печатать обязательно <...> И так, просьба прислать «Сказку» спешной почтой <...> А спешность вот почему: в конце марта исполняется трехлетие нашего журнала. Мы устраиваем публичный литературный вечер <...> Представляется поэтому положительно необходимым прочесть на вечере неопубликованные стихи Блока (читать будет Качалов). Конечно, будет прочитано и Ваше предисловие, без которого нельзя «Сказки» оглашать» [2].

О чем же была эта «Сказка», столь заинтересовавшая окружение И. Лежнева и прежде всего такого знатока блоковского творчества, как Андрей Белый? В ней рассказывалось об отразившихся в фольклоре причинах войны 1812 года – как они представлялись широким народным массам, по большей части необразованным, верящим в разную небывальщину, но при всем том умеющим извлечь из нее и рациональное зерно. «Бонапарт французский Наполеон был нравом жадный и гордый, как есть настоящий

живоглот, но воин отменной храбрости. И захотелось ему повоевать нашего батюшку, государя Александра Павловича <...>. Да все «не хватало сходственного предлогу». Думал-думал, да «и пишет, стало быть, русскому царю: так, мол, и так, посылаю я к вам в Россию двенадцать человек моих генералов-маршалов, и ежели ты их круглый год прокормить сумеешь, буду я тебе первый кум и сват. Ну а коли не выступишь по части прокорму, не прогневайся: пойду на Россию и Москву спалю. Только условием непременно поставлю: это чтобы подавать им столовую посуду из чистого серебра». Государь Александр Павлович по размышлении уже со своими генералами-маршалами принимает предложение Наполеона. И прибыли его посланцы – «Мурат, Ной, Дави, а всех и не выразишь натошак». «Приспособили им подходящую квартиру», в услужение двенадцать дворцовых мальчиков дали. Отдохнули все эти мураты с дороги, сели чай пить, а как напились – «схрупали-сожрали... весь чайный инструмент»: самовар, поднос с чайником, чашки, блюдечки – «все из первейшего сибирского серебра восемьдесят четвертой пробы», – так что мальчикам и со стола стало убирать нечего, «окромя скатерти мокрой да хлебных крошек!» «На другой день опять та же самая история <...> и через неделю эдак, и через месяц <...> и началась в серебре нехватка», и стало казенное богатство убавляться, не из чего, гляди, и монету бить». Беда да и только. Клич кинули во все концы государства российского, «кто бы ослобонил от наполеоновых обжирал», – да только вот время идет, а никто этого сделать не может. Наконец нашелся-таки один – лентяй Заспиха из Калуги. Придели его, по его же разумению, «тараканским королем», подселили к обжиралам – и как только принялись те опять грызть серебро, хватить их Заспиха кочергой, и повалились все под стол: «глаза открыты, а сами не дышат: ошпентило, значит». Привезли их на Красную площадь; Заспиха снова за кочережку – и давай их опять каждого по темени! И повыскакивали из глоток их самовары, чайники и все-все, что схрумкали-сгрызли супостаты. Окунули потом их в котел со смолой расплавленной, в пуху гусином вываляли и по кибиткам – да и прочь с земли русской! Разгневался Наполеон – и пошел войной на русских. Но незадача ему вышла. «Видно, правду сказывают, что силу русскую одолеть невозможно» [3].

В 1936 году «Солдатская сказка» была опубликована в 12-м томе Собрания сочинений А.А. Блока, вышедшего в Издательстве писателей в Ленинграде (1932–1936). В дальнейшем, правда, в самое авторитетное в совет-

ские годы издание Блока, в знаменитый «синий» восьмитомник 1960–1963 гг., она не вошла (вместе с некоторыми другими его произведениями), но тем не менее – это специально оговаривалось – была учтена в блоковском творчестве [3, с. 752].

А затем ... Затем в архиве Б.А. Садовского в РГАЛИ, среди рукописей его неопубликованных произведений, обнаружили «Наполеоновы сереброды», практически идентичные, за исключением нескольких мелких разночтений, «Солдатской сказке». И выяснилось, что она вовсе не принадлежит Блоку, написана самим Б.А. Садовским и выдана им за блоковскую. То есть мистификация... Вот уж конфуз, так конфуз!

Справедливости ради, следует заметить: уже было предупреждение, что во всей этой истории с «Солдатской сказкой» уж очень серьезные нестыковки, однако в принципиальном плане блоковедами авторство Блока не было оспорено. Напомним, что в 1928 году во втором номере журнала «Печать и революция» фольклорист А. Желанский поместил свой отклик на публикацию «Новой России» – «Мнимая сказка Блока»; он отметил, что «это вовсе не сочиненная Блоком, а подлинная народная сказка», запись которой, сделанная еще в 1848 году в Пермской губернии священником Петром Словоцовым, уже печаталась ранее, и даже дважды – в «Записках императорского Русского географического общества по отделению этнографии» в 1867 и 1914 гг. При этом А. Желанский указывал, что Блок пересказал словоцовский текст, «заменив некоторые детали другими» в оставшемся в основе своей неизменном сюжете. Так, у Словоцова победитель серебродов – поправасстрига и оружие его против них не кочерга, а гигантская стальная вилка; ею он поочередно поддевает наполеоновских посланцев и проглатывает их как закуску к водке; на площади же отгрызает их и заставляет и их отгрыгнуть все съеденное серебро.

...В конечном своем тезисе А. Желанский оказался прозорлив: «...в «полном собрании» Блока «Солдатской сказке» не место», хотя сама система аргументации его весьма сумбурна и, в сущности, неверна. Получился некий парадокс: исследователь делает, как показало время, правильный вывод, исходя из ложных предпосылок.

Что мы имеем в виду? А. Желанский практически все свое внимание сконцентрировал на «деталях», задаваясь вопросом: какие органичнее или, как он выражается, «более в стиле всей сказки» – словоцовские или блоковские (и все это очень субъективно у Желанского); не в пользу авторства Блока и то, что он «не покусился на многие характерные особенности»

фольклорного текста, в частности «надписания», что в данном конкретном случае сопровождается следующим весьма странным комментарием: «...это не от Блока, как, пожалуй, можно было бы подумать, а взято Блоком из словцовского текста». Да, действительно, взято из народной сказки, но ведь говорится же, что можно было бы подумать, что это и от Блока тоже...

Повторимся: Желанский занимается деталями и упускает из виду целое – суть его, внутреннюю стихию, интонацию (все то, что и делает произведение произведением – неважно, фольклорным или авторским, писательским), хотя сам же и проговаривается: «...Блок не механически переписал словцовскую запись, а пересказал ее» [4], то есть перевоплотил из одного качества в другое, принципиально другое.

Словом, за деревьями не видно леса. И выходит: за обобщенным тезисом А. Желанского, что публикации «Новой России» не место в Собрании сочинений Блока, следует, что она никакая не литературная сказка вовсе (в ней, увы, видится лишь фольклорный каркас). В концепции А. Желанского «Солдатская сказка» не существует ни как некий продукт совместного творчества, ни просто как текст, подверженный редактуре (явление обычное в процессе публикации).

А вот блоковед В.Н. Орлов, отвергнувший аргументацию А. Желанского как несостоятельную, включил-таки «Солдатскую сказку» в Собрание сочинений Блока, включил, как считал важным особо заметить, «по тем же основаниям, по которым, к примеру, в Собрании сочинений Пушкина печатаются записанные и обработанные им песни о Степане Разине» [5, с. 574]. И был прав. В тех обстоятельствах прав, потому как ничего еще не было известно о мистификации Б. Садовского. В.Н. Орлов судил о сказке, обработанной писателем, а таковым тогда литературной общественностью считался Блок; сомнения Желанского так и остались его лишь сомнениями, ведь никаких других откликов на публикацию «Новой России» не последовало.

Несостоятельность аргументации А. Желанского показательна еще и тем, что оспаривает авторство уже и самого Садовского, подлинное авторство. То есть статья его вполне может трактоваться уже и как «Мнимая сказка Садовского».

В творческой биографии Садовского был эпизод, когда одно из его произведений в открытую, публично было названо мнимым. В 1911 году в альманахе «Северные цветы» появился рассказ Садовского «Под Павловым щитом». Критическим откликом на него в газете «Голос Москвы» стало обвинение в плагиате: утверждалось, что поведенная автором история

вожделенной страсти сенаторши Екатерины Николаевны Лопухиной к подполковнику Екатеринославского кирасирского полка Федору Петровичу Уварову взята из «Записок» А.М. Тургенева, печатавшихся в журнале «Русская старина» в 1885 году. Помещая потом данный рассказ в своём сборнике прозы «Адмиралтейская игла», Садовской в качестве комментария к нему отметил: «Разъяснить, что разработка исторического события и плагиат не одно и то же, автору не показалось тогда ни удобным, ни нужным <...> Во избежание возможных нареканий в дальнейшем любопытствующему читателю предоставляется самому сличить оклеветанный рассказ с «Записками» А.М. Тургенева <...> и вывести заключение свое» [6, с. 90].

Мы провели такое «сличение». Конечно же нет никаких оснований говорить о плагиате. Да, Садовской в рассказе своем следует за А.М. Тургеневым, но лишь фабульно, в главном же, что, собственно, и определяет художественную индивидуальность, принципиально иное: стилистика, интонация, повествовательная манера, обрисовка характеров. Садовской по-своему излагает реальный случай из жизни сенаторши Лопухиной – по его же словам, разрабатывает историческое событие – и в этом, вне всякого сомнения, свободен. Типологически родственна рассказу «Под Павловским щитом» и разбираемая нами «Солдатская сказка». В ней уже Садовской дает разработку сказочного события, которое в итоге своем вписывается в общий контекст картины мира, создаваемой еще с незапамятных времен творческим воображением народа. Ее предназначение, как известно, трансформировать действительность, постигать в ней сокровенные смыслы. Не случайно ведь говорится: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

Справедливости ради заметим, однако: две эти связанные типологически вещи – «Под Павловым щитом» и «Солдатская сказка» – в художественном плане вряд ли сопоставимы. Обе, в сущности, стилизации, но если первая при всей занимательности изложения однопланова – как просто выхваченный из жизни эпизод с весьма незатейливым резюме: «Ежели ты виноват, все равно, будь ты прапорщик или генерал <...> посадят <тебя> с фельдъегерем на тележку, и ау! столбовым трактом прямо в Сибирь на поселенье. Зато коли захочет кого милостями возвеличить император, так тоже безо всякой меры превознесет», [7, с. 242], – то у второй – глубокий философский подтекст, открывающийся к тому же далеко не каждому читателю, а лишь терпеливому, вдумчивому, умеющему соотносить реальное и ирреальное, прошлое и настоящее...

При беспристрастной оценке – что называется, по гамбургскому счету, – рассказ «Под Павловым щитом», написанный, по сути, еще в первый период творческой деятельности Б. Садовского, к лучшим его произведениям не отнесешь, и, более того, в художественном плане это ниже общего уровня его прозы данного же периода. Отметая вновь и решительно упреки критика «Голоса Москвы» в плагиате, укажем, что Б. Садовской некоторым образом оказался так зависим от «Записок» А.М. Тургенева: должного умения чувствовать оптимальную дистанцию в отношении к первоисточнику пока еще не было, а следовательно, и подлинного озарения в разработке почерпнутой из него темы. Да и то сказать: «Записки» А.М. Тургенева блестящи: экспрессивный слог, яркость и непосредственность восприятия эпохи во всем ее многообразии, в мелочах и в целом, замечательное искусство типизировать подмечаемые явления, оригинальность и смелость в оценках и суждениях. Как было не подпасть под магию всего этого роскошества молодому писателю с не устоявшейся пока еще системой эстетических ценностей, от природы склонному больше доверять тому, что уже есть в литературе, чем дерзая устремляться в неведомое!

...Прошло лет 10–20 – и творчество Садовского явило себя уже в новом качестве. Талантливый, хотя и второстепенный писатель (такова была репутация Б. Садовского в дореволюционное время) перевоплотился в настоящего Мастера (правда, процесс этот остался незамеченным тогдашним читателем, ибо Садовской после 1917 года практически не печатался. Но именно так – Мастером – назвал его выдающийся литературовед, сам мастер в своем деле В.Э. Вацуру в рецензии на впервые появившийся в печати в 1993 году роман «Пшеница и плевель» (1935–1941). И произошло это не только вследствие естественного со временем творческого роста (увы, далеко не всегда это случается в литературном мире, нередки явления и регресса, обратной поступи), а потому еще, что резко изменилась жизнь. Как ни покажется парадоксальным, но для Садовского – противника революции – и нужно было, чтобы революция произошла: она-то как раз и стала решающим фактором в его настоящем творческом самоопределении. Нужно было, чтобы революция поставила его как писателя в принципиально иную позицию по отношению к жизни, к России, к бытию в целом; нужно было, чтобы все, на чем держался его мир, было до основания разрушено, – и ему, почитателю императоров Николая Первого и Александра Третьего, суждено было оказаться изгоем в ненавистой Сов-

депии. И кроме того – что также, видимо, ему было заповедано свыше как творцу, как Мастеру, призванному сказать утаенное от людей, сокровенное, – нужно было, чтоб в революцию, сокрушившую безмерно дорогую ему, созидавшуюся в течение столетий державу, он и сам как физическая сущность разрушился – от нахлынувшей с новой силой давней болезни с тех еще декадентских, разгульных, распущенных лет, от порочных Венериных утех, обрешавшей его на инвалидное кресло и одинокое беспомощное затворничество. И чтоб все это было осознано им как его безмерное прегрешение, которому нет прощения.

Весь этот круг социально-нравственных и политических факторов и предопределил появление «Солдатской сказки». Именно в послереволюционные двадцатые годы написана она, а не в 1915 году, как уверял сам автор в процитированном выше предисловии к публикации ее в журнале «Новая Россия». К такому выводу пришел еще в 1987 году большой знаток творчества Б. Садовского, первый публикатор многих его произведений С.В. Шумихин, но на основании лишь исследования физико-химических свойств рукописи этого произведения, сохранившейся в РГАЛИ. Сам же текст по большей части С.В. Шумихиным не анализировался, хотя это могло существенно расширить поле аргументации в отношении истинной датировки (1920-х годов), а также наметить пути постижения истинного смысла и предназначения мистификации.

А потому изложим здесь вкратце некоторые наши наблюдения в осмыслении того, о чем повествуется в «Солдатской сказке».

В ней Б. Садовской в опосредованной форме, изящно, умно полемизирует с поэмой А. Блока «Двенадцать», оспаривает ее революционную направленность. Отсюда и ответ на вопрос, которым, кстати, никто из исследователей по-настоящему не задавался (имелась в виду сугубо лишь мистификаторская шутка-розыгрыш): а зачем же Садовской при публикации «Солдатской сказки» выдал ее за принадлежащую перу А. Блока? А для того, чтобы тот (автор столь поразившего современников произведения, лучшего во всей отечественной литературе об Октябре 1917 года, потому и избранного монархистом Садовским отправной точкой его антибольшевистской рефлексии) как бы сам себя изобличил, показал несостоятельность своей революционной концепции. Двенадцать красногвардейцев – это как бы те же двенадцать наполеоновских маршалов-муратов. Как и сереброедов изгоняют с Руси, так и, придет время, обязательно изгонят и красногвар-

дейцев-безбожников и вождей их, для которых тысячелетняя держава – лишь спичка, чтоб запалить мировой революционный пожар.

Пальнем-ка пулей в Святую Русь –

В кондовую!

В избяную!

В толстозадую!

Эх, эх, без креста! <...>

...И идут без имени святого

Все двенадцать – вдаль.

Ко всему готовы,

Ничего не жаль...

По завершении поэмы в дневниковых записях Блок отмечал: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «не достойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» [8, с. 326]. Другой... Стало быть, Антихрист? Христос ведь не может принимать самые разные обличья, быть тем-то и тем-то; он только Христос, Один и Един – и Другим быть не может. И если Другой – значит, полная противоположность ему... Антихрист... Но Блок, с искреннейшим пафосом призывавший «всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушать Революцию» (что «сродни природе» и музыка ее «о великом» – «...чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной ...») [9, с. 11]), не мог и помыслить тогда, в начале 1918-го (когда и писалась поэма), рядом с ней, во главе ее Антихриста. И однако ж слово это – «Другой» (не Христос...) – было произнесено...

...Исповедальные строки Блока последнего года жизни, его доверительные признания в беседах с друзьями и близкими убедительно свидетельствовали о кардинальном изменении социально-политической позиции поэта: в сознании его Другой явственно обретал черты Антихриста.

На него, Антихриста, и намекает как раз Б. Садовской в приписанной им Блоку своей «Солдатской сказке» образом Наполеона, который олицетворяет всех врагов России, и внешних, и внутренних.

Все творчество Б. Садовского – это своего рода метатекст, в котором есть ряд ключевых мотивов, тесно связанных друг с другом. В числе их мотив инородчества, то есть всего изначально чуждого, враждебного России, ее коренным устоям. Мотив этот во многих произведениях Садовского, и часто он воплощается через соотнесенность с образом Наполеона. Это повести и романы «Кровавая звезда» (1919), «Шестой час» (1921), «Святая Елена» (1922), «Наполеониды» (1924), «Табакерка» (1929), «Охота» (первая половина 1930-х), «Пшеница и плевелы» (1936–1941).

Обнаруженная нами в архиве и пока еще не опубликованная статья Б. Садовского «Наполеон в русской поэзии», написанная еще до революции, завершается так: «Возрождения Наполеоновского культа в будущем трудно ожидать» [10]. Это звучит очень определенно: никогда больше Россия не будет поклоняться Наполеону, она будет самой собой, будет охранять и утверждать свои исконные ценности, воспитывать и воспевать своих героев. Кстати, в дореволюционный период Б. Садовской мало касается темы Наполеона (помимо этой статьи), Наполеон для него как бы не существует уже, он как миф уже исчерпан Россией, преодолен. Увы, тема Наполеона как олицетворения чуждых России начала остро актуализировалась в XX веке. Именно сквозь призму этого образа Б. Садовской смотрит на революцию 1917 года, которая – и в этом он глубоко убежден – стала плодом преступной деятельности русской либеральной интеллигенции на протяжении предшествующего столетия, и прежде всего в эпоху Серебряного века с его аморализмом, вседозволенностью и распущенностью. Наполеонизм – вот, по мнению Б. Садовского, движущее начало этой интеллигенции, изначально чуждой России. Мотив инородчества, наполеонизма тесно взаимосвязан с мотивом судьбы России, ведущим в метатексте, организующим его структуру.

Россия – главный предмет интересов Б. Садовского и в дореволюционном, и послереволюционном творчестве. В утверждении идеалов России он был последователен и стоек, не снисходил до компромиссов. И как бы тяжело ни приходилось (ведь, как убежденный монархист, он был исключен из литературного процесса в советские годы, отчего и прибегал порой к мистификациям), продолжал свято верить в конечное торжество истины. И представляется глубоко символичным, что завершил он свой творческий путь – всеми покинутый, физически немощный, в монастырской келье, у могил – переложением псалмов с их мыслью-рефреном:

Господь путь верных разумеет,

А нечестивые падут [11, с. 182].

...И слова эти, ставшие своеобразным девизом Б. Садовского-художника, вполне передают и идейный смысл его «Солдатской сказки». Пусть и в виде мистификации, но она дошла до читателей, сказала главное. И имеющий уши да услышит.

* * *

О поэме А. Блока «Двенадцать» существует огромное число исследований. Учтены самые разные отклики на нее – критические, публицистические, художественные... Представляется

важным включить в их число и «Солдатскую сказку» Б. Садовского как выражение позиции (в иносказательно-метафорической форме) одного из представителей «внутренней эмиграции» в 1920-е годы.

Это не услышанная в свое время, но весьма важная реплика в споре о провиденциальном смысле загадочного блоковского произведения.

Список литературы

1. Блок А.А. Солдатская сказка // Новая Россия. 1926. № 3. С. 89–92.
2. РГАЛИ (Рос. гос. архив лит. и искусства). Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1–2 (об.).
3. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.–Л.: ГИХЛ, 1963.

4. Желанский А. Мнимая сказка Блока // Печать и революция. 1928. № 2. С. 94–96.

5. Орлов В.Н. Литературное наследство Александра Блока // Литературное наследство. Т. 27–28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.

6. Садовской Б.А. Адмиралтейская игла. Петроград: Кн-во М.В. Попова, 1915.

7. Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Сов. писатель, 1990.

8. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.–Л.: ГИХЛ, 1963.

9. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. М.–Л.: ГИХЛ, 1963.

10. РГАЛИ (Рос. гос. архив лит. и искусства). Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 6. С. 20.

11. Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 398 с.

LITERARY FORGERY OF BLOK BY BORIS SADOVSKOY

Yu.A. Izumrudov

The article is the first attempt in the Russian study of literature to discuss *Soldatskaya Skazka (The Soldier's Tale)*, a literary forgery by B. Sadovskoy, as a polemical response to *The Twelve* by A. Blok.

Keywords: folklore, literary forgery, Napoleon, Russia, Christ, Antichrist, revolution.

References

1. Blok A.A. Soldatskaya skazka // Novaya Rossiya. 1926. № 3. S. 89–92.
2. RGALI (Ros. gos. arhiv lit. i iskusstva). F. 464. Op. 1. Ed. hr. 83. L. 1–2 (ob.).
3. Blok A.A. Sbranie sochinenij: V 8 t. T. 8. M.–L.: GIHL, 1963.
4. Zhelanskij A. Mnimaya skazka Bloka // Pechat' i revolyuciya. 1928. № 2. S. 94–96.
5. Orlov V.N. Literaturnoe nasledstvo Aleksandra Bloka // Literaturnoe nasledstvo. T. 27–28. M.: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1937.

6. Sadovskoj B.A. Admiraltejskaya igla. Petrograd: Kn-vo M.V. Popova, 1915.

7. Sadovskoj B.A. Lebedinye kliky. M.: Sov. pisatel', 1990.

8. Blok A.A. Sbranie sochinenij: V 8 t. T. 7. M.–L.: GIHL, 1963.

9. Blok A.A. Sbranie sochinenij: V 8 t. T. 6. M.–L.: GIHL, 1963.

10. RGALI (Ros. gos. arhiv lit. i iskusstva). F. 464. Op. 1. Ed. hr. 6. S. 20.

11. Sadovskoj B.A. Stihotvoreniya, rasskazy v stihah, p'esy i monologi. SPb.: Akademicheskij proekt, 2001. 398 s.